

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖИВУЩИЙ В СВОЕМ НАРОДЕ

Что такое “народность” в поэзии? Что такое “народный поэт” — я имею в виду не официальное звание, а сущность? А есть ещё в обиходе слово того же корня — “простонародный” — являются ли они синонимом слову “народный”? И каковы все эти понятия — мировоззренческие? социальные? национальные? Или просто лексические? А если к слову “поэт” прирастает эпитет “народный”, то что это значит? Означает ли это, что поэт одновременно становится “великим”, “гениальным”, “популярным”? Или это слово носит в себе особый, лишь ему присущий смысл?..

Вот о чём я думал, читая стихи поэта из Омска Юрия Перминова. Является ли “народным” поэт Борис Пастернак? Если искренне признаться себе, что его стихи 20–30-х годов из книги “Сестра моя, жизнь” или поэмы “Спекторский”, “Высокая болезнь”, “1905 год” не стали (и уже никогда не станут) любимыми у читателя, который знает и любит пушкинское — “У лукоморья дуб зелёный” или “Буря мглою небо кроет”, то, конечно, Бориса Леонидовича “народным” не назовёшь, несмотря на его клятвенное “нельзя в конце не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту”. (В простоту “впасть” нельзя, с ней надо родиться.) Другие высокие эпитеты, согласен, окружают его имя, “прилипают” к нему, а “народный” почему-то не прилипает, хотя поэт отчаянно стремился в предвоенное время (март 1941 года) в книге “На ранних поездах” не то чтобы “стать своим”, но просто раствориться в стихии народности:

*Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.*

*В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.*

*Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всём разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведённые, вчасос.*

Спасибо Пастернаку, что он в 1941 году, когда, по мнению нынешних идеологов демократии, советская власть сделала всех людей “винтиками”, бездушными серыми роботами тоталитаризма, впадшими от страха перед репрессиями в рабство, засвидетельствовал, что они, дети простого народа, были творцами своей судьбы...

Но, присягнув в любви к народу, Борис Леонидович всё-таки народным поэтом не стал, поскольку смотрел на народ хоть и с обожанием, но со стороны.

Юрий Перминов не “обожает”, не “боготворит” народ. Общение с народом рождает у поэта иные, более естественные чувства, лишённые хождельности и экзальтации:

*Наш посёлок — солнечный скворечник
и моя остатняя судьба...*

*На отшибе нынешней — кромешной
суеты, оглохшей от себя,
вдалеке от офисов, лукавства,
от борделя с видом на тюрьму
наш посёлок — светлое лекарство,
что врачует нынешнюю тьму,
потому что ходят*

*друг за дружкой
с миром дни и ночи — не с тоской;
может, потому, что деревушкой
был он —*

наш посёлок городской.

Стихотворение, на первый взгляд, незамысловатое, но на фоне тотальной неприязни нынешней элиты и послушных ей СМИ к нынешнему простонародному, полунищенскому быту, на фоне злобной иронии высокомерного снобистского осуждения “бездельников”, “лодырей”, “алкашей”, бомжей, на фоне бесчеловечных откровений олигархов, кровных Чубайсу, на фоне европрессы, осуждающей всякого рода тоталитаризм и патернализм, — это стихотворение становится чуть ли не религиозной заповедью поэта.

Юрий Перминов зорко замечает искорки добра и совести в жителях посёлка, искорки, унаследованные от советских времён, когда посёлок был ещё деревней. Поэт не смотрит на этот быт сверху или со стороны, он сам ощущает себя частью этой жизни, а эта жизнь поддерживается его собственным существованием. Люди, населяющие его посёлок, — для него все — родня. И близкая, и далёкая, и кровная, и душевная.

Когда я прочитал рукопись книги Юрия Перминова “Солнечный скворечник”, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих поговорок: “Жизнь прожить — не поле перейти”. И наш поэт не перешёл бы это бескрайнее поле, если бы не нащупал связи с миром, родным ему.

Конечно же — первая и главная связь — с родимой матушкой.

“С Богом, сынок, иди, с Богом, сынок, возвращайся!” — каждое утро мама мне говорит...”, “Свет пропекает до сердца из маминого окна”...

А вслед за матерью на страницах книги возникают очертания других близких людей.

“Я, грешный, бабулю не видел давно”, и поселковый блаженный — для поэта тоже не чужой человек:

*Рассвет — как друг — нашёптывает, дескать,
тряхни печаль, о суетном —*

молчок...

*“Христос воскрес!” — солнечно, по-детски
приветствует посёлок дурачок:
в глазах — восторг, щебечет сердце птичкой
непуганой... Воистину воскрес!*

*Блаженный Ваня — крашеным яичком
любуется, как чудом из чудес.*

*Никто не знает — кто он и откуда,
но прижилась у нас не с кондачка
примета незатейливая: худа
не будет,
если встретить дурачка, —
ни днём, ни ночью горя не случится...*

*Нет у него ни страха, ни “идей”...
Кого он ищет, всматриваясь в лица
Любимых им, затюканных людей?..
И ничего ему не надо, кроме
Любви!..*

*Раскрыл, блаженствуя, суму,
и, преломив горбушку хлеба, кормит
небесных птиц,
слетающих к нему...*

В этом же родном поэту ряду живёт и “кладбищенский бомж”, и “старушка, тихая как белка”, и тётки “в пимах”, торгующие молоком, и даже к петрушке, зеленеющей возле “хрущоб”, он обращается, словно к родственному существу. Он, по собственному признанию, “всему насущному родня”, потому что его посёлок особый: “здесь от соседства немного совсем до родства”.

А приехав в незнакомый, но похожий на его посёлок городок, он

*На четвёртые сутки подумал: вполне
я освоился здесь, гостевая одышка
исчезает. Живу! Здесь Россия, а не
городишко чужой. Здесь — родной городишко.*

Осваивать всё чужое и делать его родным — вот в чём поэт видит своё призвание, вот в чём его вера, и его спасение от отчаяния:

*Посёлок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья,
с бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.*

Это чувство знакомо мне, выросшему в 30-е годы на полудеревенской окраине Калуги, а мой покойный друг Анатолий Передреев выразил его в 70-х годах известным стихотворением “Окраина”. Недаром Анатолий Константинович был плоть от плоти от русского простонародья, как и Юрий Перминов.

*Околица родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.*

*Взрастил свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?*

*Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.*

*Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.*

*И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!*

Сорок лет лежит между двумя этими стихотворными мирами, но как изменилась жизнь! У Передреева окраина “выжила”, объединив два мира – городской и деревенский. Да, жилища окраины – “ни избы, ни дома”, были неказисты, но у каждого человека была крыша над головой. Бомжей не было. Было “сиянье промышленных “огней”, были “ранние гудки”, были “вишни и акации”, были воспоминания, была “голубая дымка”.

У Юрия Перминова осталась единственная стихия, соединяющая осколки разбитой “передреевской” жизни, – это струящееся из души поэта тепло и приятие всего ещё живого, родного и доброго, что осталось от окраины Анатолия Передреева.

*Здесь не моё — незбылемо — живёт
тепло, но не чужое, не чужое...*

*Зло не пристало к нашему посёлку:
без доброты нам — жителям — никак...
Собаки наши добрые, поскольку
других у нас не водится собак...*

*Район, где живу, называется спальным районом.
Понятно, что люди, как правило, спят по ночам...*

От несовершенной, но обустроенной и многообразной жизни прежней советской окраины в окраине перминовской всё ещё остаются очаги тепла, греющие душу.

Более того, печалась о прежней жизни, Перминов находит в сегодняшней жизни посёлка нечто новое:

*В мороз — тепло, в жару у нас — не душно...
У нас — как воплощенье естества —
всегда жила церквушка, потому что
здесь не было не помнящих родства.*

Когда исчерпываются все остальные возможности, которые человек обретает в работе, в кровной связи, когда иссякают силы, данные нам природой для перехода через поле жизни, то у каждого из нас остаётся неприкосновенный до поры до времени запас веры, как последнее средство от отчаяния:

*Свет небесный замер накануне
Рождества Христова. Не погас.*

У Передреева не было этой, говоря словами Есенина, “зацепки за жизнь”. У Юрия Перминова она есть. А кроме неё у него остаётся ещё выбор, о котором сказал Николай Рубцов, ставший безо всех оговорок истинно народным поэтом:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводке,
Потом ещё на чём-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своём народе!*